

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 1190/1

№ 22-1190/1

Открытие
Съезда

Сестрорецкий ИНСТРУМЕНТАЛЬЩИК

Газета трудового коллектива
Сестрорецкого ордена Октябрьской
Революции инструментального
завода им. Воскова и Сестрорецкой
районной организации КПСС.

12
ИЮЛЯ,
ПЯТНИЦА,
1991 г.

Выходит с 7 ноября 1922 года

№ 26 (2583) Розничная цена 6 копеек

СЕГОДНЯ
В НОМЕРЕ:

ИЗ ЖИЗНИ
ЗАВОДА
И РАЙОНА

Проблемы
детского отдыха
1 стр.

От прогнозов
к действию
2 стр.

Неизвестный
Плеханов
2 стр.

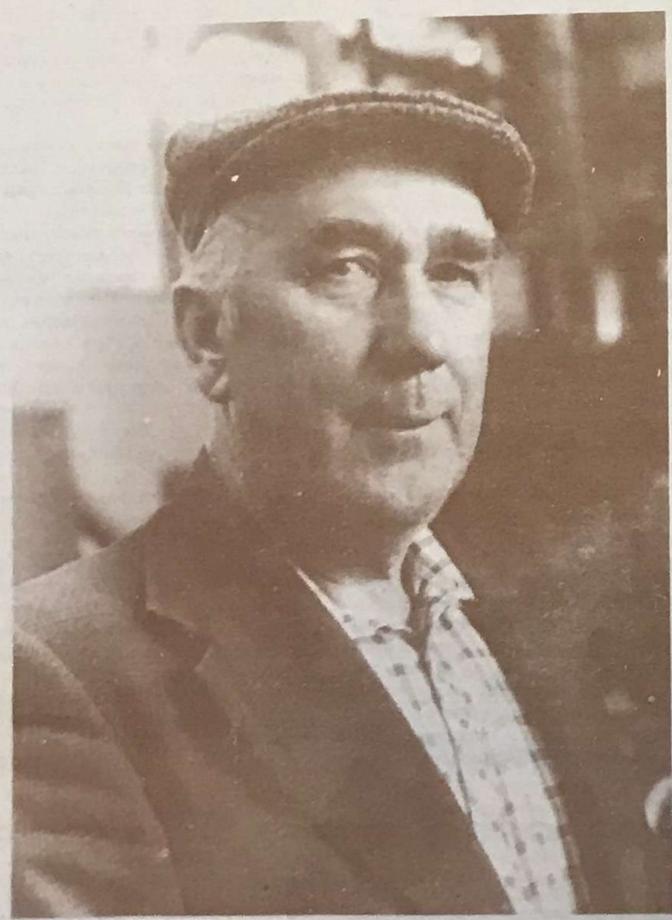
ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ
ПЕРЕДОВИКА

БЫТЬ АСОМ

И ПОЧЕТНО, И СЛОЖНО

Александр Иванович Угарцев, шлифовщик высшей категории, еще три года назад мог бы уйти на заслуженный отдых. Но, видно, и Александру Ивановичу без цеха — ну, никак; да и ремонтникам 3-го без него трудно обойтись. Ведь зачастую самые сложные задания поручаются именно Угарцеву. Он может выполнить любой вид шлифовки, с точностью до микрона, при этом всегда с отличным качеством. Наверное, только с опытом приходит такая уверенность в своем деле: ведь свою трудовую биографию Александр Иванович начал еще в 1942 году тринадцатилетним мальчишкой у токарного станка. И по сию пору очень много дел у него на заводе.

Фото Е. СУДЕРЕВСКОЙ

АНОНС

- Интерес к будущему у человека обостряется в конце каждого века. Предсказания астрологов и ясновидящих, исследования парапсихологов — что они предсказывают?
- Как отдыхают в Разливе?
- Дом поэта Марины Цветаевой... Эти и другие материалы вы сможете прочесть в следующем номере.

В СООТВЕТСТВИИ с торговым предложением германской фирмы «Хертель» завод получил заказ на изготовление опытной партии комплектующих изделий к торцевым фрезам.

При положительных результатах испытаний и проверки опытной партии фирма «Хертель» берет на себя обязательство заключить с заводом контракт на изготовление (по чертежам фирмы «Хертель») крупной партии и комплектующих к торцевым фрезам по всей гамме типоразмеров.

Учитывая перспективность заказа, предполагающего решение сложных технологических задач и достижение уровня мировых стандартов, а также дающего возможность заключать выгодные в коммерческом отношении контракты, выполнению данного заказа придется большое значение.

Для успешного выполнения задания на заводе организована группа специалистов. Руководителем группы назначен начальник бюро информационных технологий В. В. Митрофанов.

СОВЕТ АРЕНДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ завода им. Воскова принял решение о премировании работников завода по итогам за май. Для премирования коллективов подразделений выделено

205 829 рублей.

По производственным цехам и инструментальному цеху № 2 базовый процент премии установлен 25 процентов, плюс увеличение за каждый процент роста производительности труда (пределный процент премии — 40 процентов). По вспомогательным цехам — 30 процентов по всем категориям работников. По отделам заводоуправления за выполнение по заводу темпов роста производительности труда за 5 месяцев — 25 процентов премии.

В порядке исключения, учитывая, что и мае коллективами цехов №№ 6, 10, 21 достигнута производительность труда, превышающая уровень четырех предыдущих месяцев, было решено выделить средства для премирования из расчета 25 процентов.

В соответствии с решением совета арендного предприятия коллективу термического цеха № 5 выделено дополнительно 8290 рублей для премирования.

Отделом охраны труда была проведена проверка выполнения природоохранительных мероприятий. В ходе проверки установлено, что цехами №№ 5, 20 и отделом главного энергетика не выполняются ряд мероприятий, которые приводят к ухудшению экологической обстановки на

ХРОНИКА СОБЫТИЯ ФАКТЫ

заводе. Устройство в цехах №№ 22, 4 подземной бетонной емкости для сбора жидких промывочных и металлической стружки, чистка маслоловушек и канализационно-насосной станции, технология обработки сточных вод, работа вакуум-фильтра, учет водопотребления в цехах завода, устройство оборотного водоснабжения в цехах №№ 5 и 24 — вот те мероприятия, которые срываются по вине цеха №№ 20, 19, а также отдела главного энергетика.

Лето на хозрасчете

Работники РОНО (а в плане — РУНОКСа, что расшифровывается как районное управление народного образования, культуры и спорта) были буквально в состоянии шока. Таким ударом ниже порога стало для них резкое повышение цен буквально на все, а главное — на питание. Ожидательно вышло нечто из под ног сообщение из обкома профсоюзов работников народного образования о том, что на проведение летней лагерной кампании Сестрорецкому РУНОКСу выделяется лишь 15 процентов требуемой суммы — 78 тысяч рублей. Для нормального же отдыха школьников нужно было 280 тысяч... Ведь цены на путевки в лагеря отдыха этим летом взлетели с 30—40 рублей до 100—180. Ясно было, что летняя оздоровительная кампания находится под угрозой срыва. Где же взять недостающие деньги? И вот тут, по выражению начальника Сестрорецкого РУНОКСа Роберта Федоровича Естрахина, пришлось «покувыркаться». Вдобавок этим летом все шедшие предприятия, так же переживающие трудные времена, отказались финансировать летнюю кампанию: хозрасчет диктует свои условия, а времена для всех настали сложные.

И тут РУНОКСом были пущены в ход любые средства и способы «добывания денег», начиная с бесконечных прошений и хождений в различные организации и кончая использованием каких-то личных контактов. В итоге их усилия не прошли даром: «не мытьем, так кашаньем», но к концу весны необходимая сумма была набрана. Основную часть недостающей суммы выделил исполком райсовета — 200 тысяч рублей; помогли, чем могли, и спонсоры: АТП-25, пансионат «Сестрорецк», «Теплоэнерго», малое предприятие «Галс-спектр», кооператив «Союз», пансионат «Белые ночи», фирма «Линест», «Водоканал». Общая сумма спонсорских денег составила тридцать тысяч, что стало ощутимой поддержкой. И только лишь в последний момент работники РУНОКСа вздохнули облегченно: кажется срыв летней кампании отменяется.

В итоге, как и было запланировано, десять лагерей приняли на отдых ребят. При этом 30 процентов путевок детям из малообеспеченных и многодетных семей предоставлено бесплатно. В среднем цена путевки обходится сегодня родителям в 15 рублей, в спортивный лагерь — 50. В лагерях труда и отдыха все путевки — бесплатные.

Четыре спортивных лагеря действуют этим летом; один из них находится в Краснодарском крае. При каждой школе в Сест-

рорекке создан свой трудовой отряд: 530 ребят побывают на практике по благоустройству, ремонту своих школ.

И сейчас, когда закончилась самая трудная — первая смена, уже можно подвести кое-какие итоги. Они вполне утешительные, считает инспектор РУНОКСа по летней оздоровительной кампании Алла Степановна Цыганкова:

— Учитывая, в какие жесткие условия поставила нас жизнь, считаю, что со своей работой мы справились — дети нормально питаются, отдыхают, набираются сил.

Понятно, почему на первом месте Алла Степановна ставит проблему обеспечения ребят полноценным питанием. И она успешно решена благодаря хорошей работе Сестрорецкого комбината общественного питания. В меню детей входят все необходимые продукты, в том числе овощи, соки. Особенно добросовестно, считает инспектор А. С. Цыганкова, выполняют свои обязанности работники комбината Л. Г. Калинина и Т. В. Иванова. Они от души стараются накормить ребят вкусной и доброкачественной едой, и им это вполне удается.

Но не только продовольственные проблемы, конечно, заботят работников лагерей отдыха: они всеми силами стараются сделать жизнь лагеря еще и познавательной, интересной. Дети ходят в различные походы, начиная с туристических и кончая археологическими, занимаются в кружках по интересам, проводят традиционные игры, конкурсы. В общем, жизнь и нынешним летом идет своим чередом в лагерях отдыха.

Ну а в лагерно-трудовых объединениях ребятам и подавно скучать не приходится — многие из них уже получили свою первую зарплату.

Не забыта РУНОКСом и работа с детьми по месту жительства — продолжают действовать при ПРЭ детские клубы. Душа, организатор этой работы — А. П. Всадников. Талантливый педагог, он умеет заинтересовать ребят, найти каждому интересное занятие.

Но, конечно, далеко не все

обстоит так уж хорошо в деле организации летнего отдыха ребят. По-прежнему сложно решается проблема «трудных» подростков, на то они и «трудные». К сожалению, только 36 из них отдыхают в лагерях. Остальные же 104, состоящие на учете в детской комнате милиции, предоставлены по большей части самим себе. И трудно обвинить в этом один РУНОКС — такие проблемы в одиночку не решаются. Да и хватит ли сил еще и на это у наших действительно смертельно измотанных учителей? К тому же до последнего времени и они, и школьники, и их родители были удручающе бесправны. Административно-приказной производ в деле воспитания детей сыграл свою роль: педагоги привыкли жить методами писемками, уставами, многочисленными инструкциями, но только не жизнью своих воспитанников. И стоит ли их обвинять, когда в стране до сих пор еще не принят закон об образовании и до сих пор в комитете по народному образованию не утверждено первое лицо? Поэтому кажется чересчур уж резким мнение депутата Сестрорецкого райсовета Б. В. Лукосяка о том, что работа Сестрорецкого РУНОКСа неудовлетворительна. Основные претензии он выразил по поводу недостаточной работы, на его взгляд, с «трудными» подростками, в отсутствии стационарных помещений для отдыха ребят в городских лагерях. Между тем, считают работники РУНОКСа, нашим депутатам было бы неплохо не только устраивать проверку работы детских лагерей, но и принимать участие в ее организации, подготовке. А в этом депутаты пока не оказывают ощутимой помощи.

И все-таки, несмотря на все трудности в последние летние кампании, считают в РУНОКСе, проходит нормально. Все дети, желавшие отдохнуть, получили такую возможность. И сейчас еще до конца июля многие лагеря смогут принять ребят по бесплатным путевкам — даже недобор ребят есть пока по льготной категории. Ну а основной вывод на будущее сделать должны не только работники РУНОКСа, но и все, кто причастен к проведению летней кампании отдыха ребят: с ней нужно готовиться в течение года. Иначе может сложиться положение, когда в последний момент ребята лишатся возможности отдохнуть.

Е. СУДЕРЕВСКАЯ

ЧЕТЫРНАДЦАТОГО МАРТА 1917 г. наша семья и больные санатория, которым я заведовала в Сан-Ремо (на Ривьере), сидели за завтраком, когда вдруг до нас дошел слух, вскоре затем подтвердившийся телеграммами в итальянских газетах, что в России революция — Николай II свержен и избрано Временное правительство.

Все присутствовавшие стали выражать свой восторг радостными криками, ликованием, рукопожатиями и поцелуями. Больше всего поздравляли Г. В. Плеханова. Радостная весть разносилась по всему санаторию и дошла до тяжело больных, лежавших в своих комнатах.

В санатории находились главным образом русские больные — эмигранты и студентки, а также одна француженка и итальянец. Последние также заразились общей радостью. Безмерно радовалась и итальянская наша прислуга. Эти добрые наши иностранные приятели радовались тому что наконец, Плеханов вознагражден за долгое изгнание, что он вернется на родину работать и что Россия будет рада ему.

Весь день мы находились в лихорадочном возбуждении. Муж, сидевший перед этим за статьей о Радищеве и собиравший материалы о декабристах, оставив свои занятия, пошел бродить по Сан-Ремо, чтобы прочесть вывешиваемые в разных частях города последние телеграммы, а также чтобы послушать толки итальянцев о русских событиях.

Мы с дочерью, так же, как и я, врачом, обходя наших тяжелых больных, поздравляли их со скорым возвращением на родину. Особенно сильно действовало это известие на одну из них, эмигрантку Моисеву. Эта прекрасная женщина страдала неизлечимой болезнью сердца и почек, но, полная душевной энергии, она все мечтала о своем возвращении в Россию, к мужу, сыну и родине. Мы часто и подолгу беседовали с ней, и я всегда поддерживала в ней самые радужные надежды, хотя в душе мало верила в их осуществление.

Весть о революции наполнила какой-то особенно ясной радостью все существо Моисеевой. Долго жала она мне руку, спрашивая, скоро ли она поправится, когда и с кем сможет она поехать. На этот раз ей, казалось, ничто не может помешать осуществлению ее мечты. Увы. Впоследствии от кого-то из вернувшихся в Россию эмигрантов я узнала, что Моисеева умерла в Париже, не дожив до осуществления заветной мечты: увидеть мужа, сына и родину.

По возвращении с прогулки по городу муж рассказал мне и дочери, что около телеграмм столпилась масса итальянцев. Они с интересом читали и толковали известия из России, но всеобщее мнение было, что Россия теперь перестанет воевать, так как революция вызвана главным образом нежеланием продолжать войну. Находя в этом объяснении оскорбление своему народу, муж старался уверить итальянцев, что теперь-то свободная Россия станет хозяйном своей судьбы и будет защищаться, как никогда, от хищнических посязаний немцев. «Революция — объяснял он им, — произошла не потому, что русский народ не хочет сражаться, а потому, что он был обманут царизмом и его слугами, изменявшими народу и предавшими Россию немцам».

У нас было достаточно веры, чтобы это маленькое нагнанное итальянцами облачко рассеялось и мы могли отдаться только чувству гордости и светлым надеждам.

«Мы вернемся в свободную родину и посягнем остаток дней своих ее благоденствию», — говорил муж, — поконились с изгнанием».

Здоровье его было лучше, чем в 1905 г., и ничто не могло

теперь помешать нашему возвращению в Россию.

Старшая наша дочь, родившаяся и выросшая в эмиграции и мечтавшая в течение всей своей жизни о России, о работе на ее пользу, разделяла нашу радость. Мы поэтому решили двинуться втроем, как только наступят в России теплые дни, так как мы опасались, ввиду состояния здоровья мужа, резкого для него перехода от теплого итальянского марта к петроградскому холодному и ветреному климату.

Пока же мы с дочерью решили ликвидировать дело санатория, пристроить наших больных, списавшись со швейцарскими санаториями, и т. д. Но уже на другой день после принятого нами решения вернуться на родину поздней весной мы получили телеграммы от друзей и единомышленников из Пет-

Но возвратимся к 1917 г.

Итак, мы решили двинуться в путь при первой возможности. Но когда она представится, было совершенно неизвестно. Единственным для нас направлением являлся длинный путь через Францию, Англию и Скандинавию, так как Германия незадолго перед тем (в феврале) предприняла жесткую войну, и суда всех стран взрывались без всякой пощады. Поэтому пассажирское сообщение между Францией и Англией, а затем между последней и Норвегией было совершенно прекращено. Казалось, не было никакой возможности вскоре попасть на родину. Но вдруг, совершенно неожиданно, представился для нас выход.

24 марта к нам из Парижа приехал один француз с письмом от наших французских же товарищей, извещавших нас о принятой местными социали-

Мы старались ее успокоить, выражали уверенность, что и она вскоре поедет в Россию, о жизни в которой она давно мечтала, представляя ее себе сказочной страной, — местом героизма, идеалов, борьбы за свободу и счастье человечества.

Западные друзья ее не удовлетворяли той потребности в идеале, которая проникла все существо ее. Она поэтому лучше сходилась с русскими студентками, эмигрантками. В них она находила черты, отсутствовавшие даже в лучшей части западной молодежи, пропитанной карьеризмом.

Несмотря на тяжелое чувство, вызванное в Лидии необходимостью проститься с мечтой о поездке в Россию, теперь же вместе с нами, сознание долга взяло у нее верх, и, успокоившись вскоре, она принялась энергично за укладку наших вещей

встречах с ним. Он очень одобрял и радовался поездке мужа в Россию. «Вы необходимы там и многое можете сделать». Мы ушли от него с радужными надеждами в душе.

В Лондон мы отправились вместе с нашими французскими товарищами, к которым присоединился еще в Париже эмигрант Зильбер. Хотя путь через Булонь был длинен и утомителен, муж тем не менее чувствовал себя прекрасно: он отлично перенес 6-часовое плавание по морю в то время как я проболела.

В туманный Альбион мы приехали в скверную погоду: был снег, сырость и холодный ветер. Там пришлось нам остаться дней шесть, пока являлась возможность двинуться дальше.

Пробывание наше в Лондоне было окружено большой тайной. По настоянию наших французских друзей и английских товарищей, мы никому из наших русских друзей, проживших в Лондоне, не должны были дать знать о себе. Исключение они разрешили нам сделать только по отношению к Л. Г. Дейчу и жене его Эсфири Марковне. Нам очень хотелось также повидать Фанни Кравчинскую (Степняк) и Зунделевича, но мы не считали себя вправе это сделать, так как даже сношения с Дейчем отчасти нагнали грусть на лица наших французских друзей. С нашими дочерьми, умолявшими нас дать им телеграмму и написать из Лондона, мы смогли снести лишь окольным конспиративным путем. Меня и мужа очень удивляла эта, как нам казалось, излишне строгая конспирация, но французские и английские наши товарищи объяснили нам, что, кроме постоянной опасности со стороны подводных лодок, она тогда еще углублялась тем, что на судне будет Плеханов. Немцы, говорили они, употребят все старания, чтобы потопить это судно. Хотя нам эти опасения казались сильно преувеличенными, но нас они морально связывали, так как из-за нас грозила опасность и всем остальным. Поэтому мы держали себя послушными ребятами.

Встреча с Львом Григорьевичем и его женой доставила нам большое удовольствие: своим теплым дружеским отношением они были нам очень полезны, помогая нам собраться в дальнейшую дорогу. Обменом с ними взглядами, надеждами и впечатлениями по поводу событий на родине мы были вознаграждены за вынужденное изолированное пребывание в Лондоне.

Из английских друзей мы свиделись только с Гайдманом, посетившим нас вместе со своей симпатичной и умной молодой женой 2 раза. Как и Гед, он, несмотря на свой преклонный возраст, — ему тогда было 72 года, — был полон жизни и бодрости, хотя со времени Амстердамского интернационального конгресса (1904 г.), когда я с ним виделась, он сильно постарел.

Во время их посещения завязались оживленные беседы о революции в России, об ее красоте, бескровности, об отношении революционной России к продолжению войны с немцами и пр. Но наших английских друзей беспокоило порожженческое движение среди русских. «Неужели оно и теперь будет продолжаться? Ведь это было бы бессмыслицей, раз русский народ сделался хозяином своей судьбы», — говорили они...

Жена Гайдмана сообщила мне, что Россия ее очень интересует. Она уже раз ездил туда (была в Вильне), и при первой возможности намеревалась вновь туда поехать вместе с мужем, чтобы заняться историей русского революционного движения. Я ей сообщила несколько фактов из периода «хождения в народ».

(Материал публикуется в сокращении. Полностью читайте в журнале «Диалог» № 8 и последующие за 1991 г.)

ГОД НА РОДИНЕ

Из воспоминаний Розалии ПЛЕХАНОВОЙ

рограда, умолявших Плеханова приехать немедленно, так как его присутствие они находили крайне необходимым для правильного хода и торжества революции. За первыми телеграммами последовали еще более настойчивые, в которых уже высказывалась тревога за исход революции: «Приезжайте, Вы необходимы».

Этот призыв волновал и тревожил мужа. Он решил, что надо ехать немедленно, что нельзя ждать до мая, так как до этого времени многое может измениться. «Надо быть на посту», — говорил он, — я — солдат революции. Она меня зовет, и я должен быть там, где требуют меня ее интересы».

Во мне происходила сильная внутренняя борьба. Я понимала состояние мужа и всей душой была за то, чтобы не ждать с отъездом до поздней весны, но опасение за его здоровье, ввиду резкого перехода из Италии на север, ввергло меня в состояние мучительной нерешительности. Долг перед родиной и революцией ваял верх: я не считала себя вправе отговаривать мужа от поездки, несмотря на близость за ее последствия.

К чувству долга, признаюсь, присоединилась так же уверенность, что недобросовестные или слепые люди постарались бы использовать отсутствие Плеханова в этот важный момент жизни России, чтобы перед малосознательными массами набросить тень на его личность и проповедуемые им взгляды, как это они сделали в 1905 г.

«Плеханов смотрит на Россию из своего прекрасного далека», — писали и говорили они тогда, — Плеханов заграничник, он не знает масс», и т. д. Многие из людей, пустивших в ход и повторявших эту фразу, отлично знали, что больной Плеханов в 1905 г. все же рвался на родину, что все было уже готово к его отъезду и остановлен он был телеграммой, посланной из Петербурга: «Не выезжайте ждите известий». Мужа эта телеграмма очень огорчила, но не остановила. Он писал мне тогда из Монте, куда уехал, благодаря моим настояниям, чтобы оправиться от усталости, вызванной хлопотливыми сборами: «Ехать все-таки надо, я не успокоюсь, пока не буду в России; я испытываю чувство дезертира, уклонившегося от исполнения своего долга». Только внезапно обострившийся легочный процесс заставил нас (в декабре 1906 г.) отправиться в Италию.

стическими депутатами поездке в Россию, предлагавших нам также присоединиться к этой делегации. Мы чрезвычайно обрадовались этому предложению, хотя для его осуществления нам необходимо было выехать на другое утро с самым ранним поездом.

Это было в воскресенье. Дочь наша Лидия, воспользовавшись праздничным днем, ушла с подругой на прогулку. Ввиду ее отсутствия мы с мужем не решились дать приехавшему французскому окончательный ответ, отложив его до ее возвращения вечером. Затем я и Георгий Валентинович отправились в Комиссариат для получения разрешения на переезд через франко-итальянскую пограничную станцию (в Вентимилии).

Там, по случаю воскресенья, мы нашли только низшего служащего, который не мог выдать нам нужного разрешения, но когда он узнал, что мы должны непременно выехать на рассвете следующего дня, он догадался о цели нашей поездки и сам вызвался устроить это дело. Чтобы получить подпись комиссара, этому услужливому итальянцу пришлось в течение целых двух часов разыскивать его по разным кафе и знакомым. Когда же, в благодарность за его хлопоты, мы на прощание предложили ему вознаграждение, он наотрез отказался принять его, заявив, что с удовольствием оказал нам маленькую услугу, так как догадывается, что мы едем в революционную Россию, куда вызывают «сеньора Плеханова и где он необходим».

Не только этот служащий, но решительно все итальянцы с невыразимым сочувствием отнеслись к русской революции, а также к возвращению Георгия Валентиновича на далекую родину.

Когда по возвращении домой мы передали дочери о приезде товарища из Парижа и о предложении французских друзей, лицо ее в первую минуту омрачилось, и она спросила, что мы решили. Я ответила, что хотя стоим за немедленную поездку, но окончательного решения без нее не приняли. «А я, мама? Меня вы намерены оставить? И ты делаешь это с легким сердцем? В России мне не быть. Вместе ехать мы не можем: кому-нибудь из нас двоих необходимо остаться при санатории. Папа без тебя обойтись не может, следовательно, остаться должна я. Это ужасно печально, — заявила она с чрезвычайной грустью. — Но, очевидно, другого выхода нет».

и другие необходимые приготовления к нашему отъезду, а в следующее утро проводила нас на вокзал твердая, спокойная, полная веры в скорую встречу на родине с любимым отцом. Этому, однако, не суждено было осуществиться...

Поездка с французской делегацией меня прельщала, кроме возможности быстро очутиться в России, еще и потому, что она, несомненно, — думала я, — будет обставлена всеми необходимыми удобствами и произойдет с наименьшим риском ввиду подводной войны со стороны немцев.

Георгий Валентинович также был рад этому счастливому обороту дела. Он вызывал только опасение насчет своих физических сил. Пугала его мысль приехать на родину слабым, больным и, следовательно, неспособным оправдать возлагаемых на него многих надежд. Все же решение ехать немедленно было им принято твердо, непоколебимо.

Будучи в течение нескольких десятилетий почти единственным врачом мужа, так как он вообще врачей не любил и неохотно давал им себя исследовать, я достаточно изучила его организм, силу его сопротивляемости, а потому я была уверена, что он вынесет хорошо обставленное далекое путешествие и сможет затем, при благоприятных в разных отношениях условиях, еще долго жить и работать на родине на благо трудящихся.

В тот же вечер 24 марта, я скоро передала Лидии заботу о больных и, вообще, ликвидации санатория, затем, кое-как собрав наиболее необходимые вещи, мы в четыре часа утра 25-го покинули Сан-Ремо.

Муж был бодр и счастлив: он отлично вынес 18-часовой путь до Парижа и оживленно беседовал все время с нашими случайными спутниками-французами.

В Париже мы оставались трое суток, чтобы проститься с нашей младшей дочерью Евгенией и повидать русских и французских товарищей. Прежде всего мы отправились к давнему, неизменному нашему другу и единомышленнику мужа — к Жюлю Геду.

Он был в это время болен, почти пригвожден к креслу ревматическими болями в ногу; но дух его был бодр, ум блестящ и молодая страстная любовь к Франции, к революционной России и к человечеству сказались в нем, семидесятилетнем старике, в большей степени — мне казалось — чем при прежних моих